

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.19>

Надыршина Лейсан Радифовна, Ханнанова Гульчира Махмутовна

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

Статья посвящена изучению экзистенциальных мотивов уральского (1904-1907 гг.) и казанского (конец 1907 - 1913 г.) периодов творчества Габдуллы Тукая. Основное внимание акцентируется на анализе отдельных мотивов лирики Г. Тукая на уровне семантики и поэтики. В работе определены и проанализированы наиболее частотные экзистенциальные мотивы в творчестве татарского поэта: угасание, отчуждение, одиночество, обреченность и бессилие перед судьбой. Нами установлены социально-политические и биографические предпосылки экзистенциального мировосприятия поэта, сделан вывод о национальной семантике изучаемых мотивов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 86-89. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82:821.512.145; 82:801.6

Дата поступления рукописи: 17.09.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.19>

Статья посвящена изучению экзистенциальных мотивов уральского (1904-1907 гг.) и казанского (конец 1907 – 1913 г.) периодов творчества Габдуллы Тукая. Основное внимание акцентируется на анализе отдельных мотивов лирики Г. Тукая на уровне семантики и поэтики. В работе определены и проанализированы наиболее частотные экзистенциальные мотивы в творчестве татарского поэта: угасание, отчуждение, одиночество, обреченность и бессилие перед судьбой. Нами установлены социально-политические и биографические предпосылки экзистенциального мировосприятия поэта, сделан вывод о национальной семантике изучаемых мотивов.

Ключевые слова и фразы: татарская поэзия; экзистенциальная картина мира; Габдулла Тукай; мотив; поэтика.

Надыршина Лейсан Радифовна, к. филол. н.

Ханнанова Гульчира Махмутовна

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

leysan_tatar@mail.ru; ghan2003@mail.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 18-412-160012.

Татарская литература начала XX века вступает в новый этап своего развития, характеризующийся множественностью художественных направлений и течений, поиском новых способов создания картины мира. Особенно заметны эти процессы в лирике, в которой наряду с традиционными, характерными для восточной поэзии, типами выражения лирического сознания появляются новые, обусловленные рецепцией русской и европейской поэзии. Процесс смены картины мира проявляется на разных уровнях татарской лирики начала XX века (как художественной системы): образом, жанровом, на уровне субъектной сферы. Значительный интерес представляет мотивный уровень в связи с тем, что сущностными характеристиками мотива (как категории поэтики) являются устойчивость и повторяемость.

Актуальность нашей статьи обусловлена существующими в настоящий момент лакунами в системном изучении мотивики татарского поэта Габдуллы Тукая. В частности, в научно-исследовательской литературе не получил всестороннего освещения вопрос о типологии лирических мотивов в творчестве татарского поэта, несмотря на отдельные труды современных ученых, в которых предметом исследования становятся различные типы мотивов в поэзии Г. Тукая [1; 2; 4; 6; 7].

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней впервые в качестве отдельного типа выделяются экзистенциальные мотивы и устанавливаются их семантические репрезентации в различные периоды творчества Г. Тукая.

Целью исследования является анализ экзистенциальных мотивов в лирике Г. Тукая уральского (1904-1907 гг.) и казанского (конец 1907 – 1913 г.) периодов творчества.

Для реализации этой цели в статье были поставлены следующие **задачи**: 1) установить и проанализировать экзистенциальные мотивы в лирике Г. Тукая уральского периода; 2) выявить особенности экзистенциальных мотивов в лирике Г. Тукая казанского периода; 3) сопоставить отдельные экзистенциальные мотивы в лирике Г. Тукая с мотивами произведений татарских поэтов начала XX века.

Одной из особенностей экзистенциального типа художественного сознания в татарской литературе начала XX века является включение в орбиту экзистенциальных переживаний (сопряженных с рефлексиями о бытии человека, трагедии человеческого существования, его бессилии перед судьбой, одиночестве и др.), раздумий о судьбе нации, ее настоящем и будущем.

В произведениях Г. Тукая уральского периода («Слово друзьям», «О единстве», «О свободе», «Ради любви Аллаха», «О нынешнем положении» и др.) преобладают гражданские и просветительские мотивы, обусловленные социально-политическими процессами 1905-1907 гг.: правительственными реформами, способствовавшими росту национального самосознания татар (развитие журналистики, реформирование системы образования, активизация политической жизни и пр.).

Экзистенциальные мотивы в лирике Г. Тукая раннего периода обнаруживаются только в отдельных стихотворениях. В подобных произведениях экзистенциальные мотивы, характерные для тюрко-татарской литературы, рассматриваются не в рамках конкретного литературного направления, а воспринимаются как часть литературных традиций. Например, характерные для экзистенциального типа сознания переживания в ранней лирике поэта в какой-то степени сосредоточены в стихотворениях любовной лирики: «Ифтиракъ соңында» («После расставания», 1906); «Сәғадәт юк, фәкать наме сәғадәт...» («На свете счастья нет – одно название...»), 1906), «Дәрдемәнд дәгелмием?» («Не я ли тот, кто скорбит?», 1906) и др., созданных в традициях восточной поэзии. Как отмечают исследователи, эта связь проявляется в образном строе произведений, их поэтике. Лирический

герой предстает в них как зачарованный возлюбленный, потерявший от любви рассудок пленник, как человек, испытывающий страдания от охватившего его любовного чувства [5, с. 375]. Таким образом, основой этих стихотворений выступает мотив любовного страдания. Например, в самом названии стихотворения «Дәрдемәнд дөгелмием?» указывается на данный мотив, в содержании произведения он реализуется в гиперболизированном чувстве скорби лирического героя: *Сөйлә: курдеңме бәнем шәклемдә һичбер дәрдемәнд? / Дәрдә сәрбар улмага бән мостафаем, нәйләем? / Кәл, инан, ханым әфәндем, дәрдемәндем бәндәңез; / Һәп сәнең – кальбем, вә кәндем мөһитәраем, нәйләем* [8, б. 94]? / *Я исток всех мучений, / начало всех горестей мира, / И печальней, чем мой, нет на свете удела, что делать? / Ты видала ль другого, кто равен мне в скорби великой? / Полководцем страданий я избран за дело, что делать?* (перевод Р. Морана) [10]. Многократные повторы выражения «дәрдемәнд» («скорбящий») служат усилению семантики мотива.

В стихотворении «Яз» («Весна», 1907), относящемся к пейзажной лирике раннего творчества Тукая, в смысловое взаимодействие вступают два противоположных мотива: мотив обновления и диссонирующий с ним мотив конца, реализующийся в ассоциациях с картинами Судного дня: *Төшерә искә язның бу томаны / Дөхань ахыр – ахыры заманы. <...> Белерсең син боларның мәхшәре дин, / Бу бозларны – үлекләргә гаскәре дин; <...> Болар әллә бара дәһиәтле судка, / Беленми: кайсы – жәннәт, кайсы – утка* [8, б. 167]. / *Туманы эти по весне и этот пар / Напоминают день суда и божьих кар. <...> Как будто толпы мертвецов стеклись сюда / Для исполнения последнего суда. <...> Как словно бы на Страшный суд все враз спешат, / И непонятно, кто куда: кто в рай, кто в ад* (перевод В. Думаевой-Валиевой) [10]. В состоянии лирической медитации автор словно оказывается на границе двух миров – посю- и потустороннего [5, с. 381]. Картины Судного дня вновь меняются картинами весеннего пейзажа, мотив конца уступает мотиву обновления, тем самым указывается на дуалистическую суть бытия. В последней строфе эта мысль обретает форму философского заключения: *Шулай шул: уйлата яз төрле якны, / Димәк ки – бер мәмәтны, бер хәятны* [8, б. 94]. / *На мысли разные наводит вид картин, / О разном думаешь весной: про смерть, про жизнь* (перевод В. Думаевой-Валиевой) [10].

Произведение «Сәәльләр» («Вопросы», 1907) можно отнести к стихотворению философской тематики, центральное место в котором отведено экзистенциальной картине мира. Экзистенциальная семантика в первом стихотворении прослеживается в обращении к Всевышнему, монолог лирического героя построен в форме риторических вопросов, на которые человеку не дано найти ответы: *Йа Ходая! ниғә төрле-төрле кыйлдың бәндәһи? <...> Ник бәни шад идмәдең, ник әйләдең гамь һәмдәми? / Юкса бәхре гамь мәсиле, мәнсабе дә бәндәми* [8, б. 149]? / *Почему ты, о боже, столь разными создал людей? <...> Почему ты не рабость, а горе мне в спутники дал? / Иль во мне и начало, и устье потока скорбей?* (перевод Р. Морана) [10]. Далее страдание начинает восприниматься как неразрывная часть человеческого бытия: *Гыйльвә гыйһидән ма гада бән алмадым дөнъяда хаз* [8, б. 149]. / *Лишь страданье и боль я узнал в этом мире...* (перевод Р. Морана) [10].

В стихотворении «Кичке азан» («Вечерний азан», 1906) мотивы плача, потери надежды, обреченности и прощания объединены единым чувством тоски и горечи. Религиозный мотив азана, как неразрывная часть духовной жизни татарского народа, пробуждает печальные мысли о судьбе нации и тюркского мира в целом. Упомянув некогда могучие, великие, но исчезнувшие с лица земли Касимское, Казанское, Астраханское ханства, лирический герой скорбит по утерянной государственности; повторы усиливают значимость мотивов бренности и конечности бытия, скоротечности времени: *Инде беттек; / Бетәргә сүз- / не беркеттек; / Вақтында җәһир- / не селкеттек, / Инде беттек, / Инде беттек! Тукай* [8, б. 135]. / *Все кончено; / Договорились / Уйти; / В свое время / Мы были сильны, / Все кончено, / Все кончено* (перевод авторов статьи. – Л. Н., Г. Х.). Таким образом, в смысловом поле данного стихотворения главенствует мотив конца, при этом семантика мотива меняется в зависимости от переживаний лирического героя. Смена состояния лирического героя маркируется и синтаксически (следует обратить внимание на изменение интонации, подчеркнутые знаками препинания, в третьей строфе: *Аһ, ник соң без / булдык вәйран? – / Бәтен дөнъя / Калды хәйран. / Гаҗиб, һидән / Бу ханәмән / Кисәктән әй- / ләде тайран [Там же]?! / Ах, почему же мы / ушли в небытие? – / Весь мир / Был удивлен. / Удивительно, почему / Эта династия / Вдруг превратилась / в пыль?!* (перевод авторов статьи. – Л. Н., Г. Х.); как видим, здесь семантика мотива конца усиливается при помощи выражений, указывающих на чувства горечи и глубокой печали; духовные переживания лирического героя обретают риторическую форму), и тематически: если в первых двух строфах лирическая медитация строится как переживание трагического прошлого (падение татарских ханств, утрата государственности), то начиная с четвертой строфы – это медитация по поводу настоящего, отсутствия единства, являющегося причиной упадка нации (отсюда и соответствующие этой смысловой интенции мотивы: смерти (*Жан бирәбез / Галәлгомья [Там же]. / Умираем / В неведении, словно слепые* (перевод авторов статьи. – Л. Н., Г. Х.)), прощания с миром (*Дөнъя! Ахтык / Сүзне тыңла: / Бәхил бул без-дән, и дөнъя [Там же, б. 136]?! / Мир! Услышь / Наше последнее слово: / Прощай и прости нас* (перевод авторов статьи. – Л. Н., Г. Х.)).

В казанский период (1908-1913 гг.) в творчестве поэта нередко доминирует философское начало, основанное на раздумьях о конечности бытия, быстротечности времени, автор проявляет себя как человек, разочаровавшийся в людях, потерявший смысл жизни. Подобные настроения в стихах Тукая обусловлены социально-политическими и биографическими факторами. Как известно, после Первой русской революции в стране наступают годы реакции, очень остро отразившиеся в культурной жизни татарского народа: закрытие газет и журналов на татарском языке, контроль жандармерии над деятельностью многих литературных деятелей, конфискация книг, жесткое ограничение свободы слова – все это стало причиной всеобщего упадка в культурно-литературной среде, в произведениях различных авторов ключевыми стали мотивы потери надежды, одиночества, бессилия и утраты веры в будущее. Пессимистическое восприятие мира становится основой картины мира в стихотворениях

Тукая «Бер кайгы көнөндә» («В грустную минуту», 1908), «Теләү бетте» («После желаний», 1909), «Өзелгән өмид» («Утраченная надежда», 1910) и др. Переживания лирического героя отражают психологическое состояние самого поэта, переживавшего в этот период духовный кризис. Например, в стихотворении «Бер кайгы көнөндә» психологическое состояние лирического героя обуславливает мотив утраты былой силы, молодости: *Беттем мин, яшь малай, беттем гомергә дә; / Эссе кан, көчле жан кайтмас гомер дә* [Там же, б. 230]. / *Пропал я, мальчишка, эх, горе да беда, / Уж кровь моя горячей не будет никогда* (перевод Р. Морана) [10]. Во второй строфе мотиву утраты вторит – и одновременно расширяет его в смысловом отношении – мотив одиночества, лирический герой глубоко несчастен в своем одиночестве, данный мотив находит свое полное развитие в риторическом выражении *Бар микән дөнъяда миннән бәхәтсезләр? / Есть ли на свете кто более несчастный, чем я?* В третьей, последней, строфе главенствует мотив тоски, лирическое состояние передается при помощи традиционных средств (*Саргайдым, зәгъфраннан сары мин. / Я стал желтей шафрана*).

Биографические факторы, во многом обусловившие экзистенциальные мотивы в лирике Тукая, связаны с событиями, происходившими в жизни поэта после приезда в Казань. Царившая в Казани литературно-культурная атмосфера всегда притягивала поэта, и с этим городом были связаны его самые большие надежды, однако годы реакции не дали сбыться мечтам, поэт остро переживал крушение своих надежд, его мучало ощущение бессилия, безысходности. Болезнь только усилила душевные терзания: в творчестве потерявшего веру в будущее, угасающего физически и догадывающегося о скором конце поэта все чаще звучат экзистенциальные мотивы. Например, один из таких мотивов – мотив утраченной надежды – определяет содержание стихотворения «Өзелгән өмид» («Утраченная надежда», 1910). Различные экзистенциальные мотивы (утрата молодости, угасание огня творчества, отчуждение, одиночество) складываются воедино и становятся причиной страданий лирического героя. Повторяющийся мотив – мотив плача – наводит на мысли о сути человеческого бытия, полного горечи и потерь. В последней строфе проявляется иная семантика этого мотива: в слезах лирический герой находит утешение для раненой души: *Бар күңелләрдән жылы, йомшак синең кабрең ташы, – / Шунда тамсын күз яшемнең иң ачы һәм татлысы* [9, б. 152]! / *Всех теплей и мягче камень, мама, на твоей могиле, / Самой сладостной слезою омочу его обильно* (перевод В. Думаевой-Валиевой) [10].

В стихотворении «Сәрләүхәсез» («Без названия», 1909) главенствует мотив страдания, который воспринимается поэтом как неотъемлемая часть человеческого бытия, подобная семантика мотива реализуется в повторах во второй и третьей строфах: *Бу дөнъяда кем килсә дә сиңа туры, / Шиксез, аның жәрәхәтле күкрәгендә / Яшьрен генә янып яткан хәсрәт тулы. <...> Гич кайгысыз кеше булса – адәм түгел* [9, б. 67]! / *И ты любому в душу погляди – / Глубокое, сжигающее горе / Таится в человеческой груди. <...> Без горя настоящих нет людей* (перевод В. Державина) [10].

Мотивам заблуждения, утраты веры, несовершенства и бессмысленности бытия отведена ключевая роль в стихотворениях «Гәләһһеф» («Грусть», 1910), «Үкенеч» («Раскаяние», 1910), «Дошманнар» («Враги», 1912). Так, например, произведение «Үкенеч» открывает мотив заблуждения: лирический герой понимает двуличность и лживость многих людей из своего окружения (*Электан белгәнем хәлдә кешенең / Тышы яхшы, бозыклыгын эченең, / Ничек соң мин адаштым изге юлны, / Биреп мэлгунь, ходайсызларга кулны?! / Нигә мин, алданып ялган көлүгә, / Нифакъ иттем үземдәге голүгә* [9, б. 133]?! / *Познавший рано подлинную сущность / Сквозь лживую, слащавую наружность, / Как мог сойти я с истинной дороги, / Дав руку проклятым, не знаящим о Боге?! / Как мог предать мой идеал великий, / Обманутый их льстивою улыбкой?!* (перевод В. Думаевой-Валиевой) [10]), терзается чувством бессилия и безысходности, как следствие, в стихотворении проявляется мотив одиночества, граничащий с мотивом отчуждения. Мотив одиночества и отчуждения реализуется в тексте при помощи символического образа звезды: *Нигә мин тормадым бер читтә ялгыз – / Ничек күктә яна бер данә йолдыз? / Шулай янсам, ни булды, төшми жәргә, / Якынлашмыйча һәр мәгърур сәфилгә! / Янып ялгыз шулай, күп еллар үткәч, / Сүнәр идем, Ходайдан вәгъдә жәткәч* [9, б. 133]. / *Зачем от них тогда подалее не был, / Как одинокая звезда на небе? / Горел себе и не спускался б с неба, / Не приближаться к этой грязи мне бы! / Через много лет, сгорая одиноко, / Потом потух бы по завету Бога* (перевод В. Думаевой-Валиевой) [10]. В смысловом поле последних пяти строф стихотворения доминирует мотив утраты надежды, реализующийся в психологических описаниях: *Монафикълар камап һәр дүрт ягымны, / Күрәлмим мин кояшым һәм аемны. / Гава юктыр, алалмый рух сулыш та, / Кабахәт бөркү уң, сул, аста, өстә* [9, б. 133]. / *Обвили с четырех сторон, как кольца, / Предатели застыт луну и солнце. / Нет воздуха душе моей для вдоха, / Смерд справа, слева, снизу смерд и сверху* (перевод В. Думаевой-Валиевой) [10].

Одним из самых ярких примеров экзистенциальной лирики Тукая является стихотворение «Кыйтга» (1913), созданное в последние дни жизни поэта. Его можно назвать духовной исповедью молодого поэта, принявшего смерть как нечто неизбежное. Весь стих пронизан чувством глубокой печали и сожаления, достигшим своего апогея в последней строфе: *Кайтмады үч, бетте көч, сынды кылыч – шул булды эш: / Керләнеп беттем үзем, дөнъяны накъли алмадым* [9, б. 184]. / *Неотомцён и изнемог, и сломан меч – таков итог. / Забрызган с ног до головы, но мир отмыть не смог* (перевод В. Думаевой-Валиевой) [10].

Таким образом, экзистенциальная парадигма в творчестве Тукая чаще всего находит отражение на уровне мотивов. Экзистенциальные настроения в поэзии Тукая обуславливаются культурно-историческими и биографическими факторами: социально-политические перемены в начале XX века – с одной стороны, физическое и духовное истощение – с другой, наложили отпечаток на творчество поэта, что проявилось в доминировании мотивов конца/угасания, утери надежды, сожаления, обреченности и конечности бытия в стихотворениях последних лет жизни поэта.

Список источников

1. **Абдуллина Д. М.** Габдулла Тукай ижатында Коръэн мотивлары. Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. 191 б.
2. **Аминева В. Р.** Габдулла Тукай и русская литература XIX века: типологические параллели. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. 159 с.
3. **Габдулла Тукай:** энциклопедия / баш мөх. З. З. Рәмиев. Казан: Г. Ибрагимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты, 2016. 864 б.
4. **Загидуллина Д. Ф.** Основные мотивы поэзии Габдуллы Тукая: отражение посвященной народу жизни // Научный Татарстан. 2011. № 2. С. 46-52.
5. **Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая (1886-1907)** / ред. З. З. Рамеев, М.И. Ибрагимов. Казань: Изд-во ИЯЛИ АН РТ, 2018. 448 с.
6. **Миннуллин К. М.** Изучение литературного наследия Габдуллы Тукая в контексте тюркоязычных литератур (на примере одного мотива из творчества Г. Тукая и Сабира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75). С. 41-44.
7. **Надыршина Л. Р., Ханнанова Г. М.** Мотив сна в творчестве Г. Тукая и татарских поэтов начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11 (89). Ч. 2. С. 254-258.
8. **Тукай Г.** Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. Т. 1. Шигъри әсәрләр (1904-1908). 407 б.
9. **Тукай Г.** Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. Т. 2. Шигъри әсәрләр (1909-1913). 384 б.
10. <http://www.gabdullatukay.ru/rus/> (дата обращения: 16.09.2019).

EXISTENTIAL MOTIVES IN ĞABDULLA TUQAY'S CREATIVE WORK

Nadyrshina Leisan Radifovna, Ph. D. in Philology
Khannanova Gul'chira Makhmutovna

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
leysan_tatar@mail.ru; ghan2003@mail.ru

The article is devoted to studying the existential motives of Ğabdulla Tuqay's Ural (1904-1907) and Kazan (the end of 1907 – 1913) periods. Special attention is paid to analysing certain motives of Ğ. Tuqay's lyrics at the level of semantics and poetics. The paper identifies and analyzes the most frequent existential motives in the Tatar poet's creative work: extinction, estrangement, loneliness, doom and surrendering to fate. The researchers reveal the socio-political and biographical factors, which influenced the poet's existential world perception. The conclusion is made about national semantics of the analysed motives.

Key words and phrases: Tatar poetry; existential worldview; Ğabdulla Tuqay; motive; poetics.

УДК 82-3

Дата поступления рукописи: 17.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.20>

Повесть в рассказах «Охотник Тормита» Андрея Кривошапкина, одного из ярких прозаиков современной эвенской литературы, никогда ранее не была объектом литературоведческой и критической рефлексии. Впервые на репрезентативном художественном материале исследован такой невербальный феномен, как духовная и повседневная культура эвенов. Герменевтический подход позволил выявить этноэстетический контекст культурных реалий эвенов, те или иные грани их языческого мировоззрения, обнаружить тематические сходжения повести с более ранним произведением автора – этнографической поэмой «Мир эвена» – и сделать вывод, что промысловый и кочевой уклад жизни – основа духовной и повседневной культуры эвенов, характера и стратегии поведения охотника Тормиты.

Ключевые слова и фразы: повесть в рассказах; эвенская литература; герменевтика; Андрей Кривошапкин; эвенская повесть; культура повседневности.

Хазанкович Юлия Геннадьевна, д. филол. н., доцент
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
hazankovich33@mail.ru

**ДУХОВНАЯ И ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА ЭВЕНОВ ЯКУТИИ
В ПОВЕСТИ А. КРИВОШАПКИНА «ОХОТНИК ТОРМИТА»:
ОПЫТ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ**

Актуальность обращения к теме определена необходимостью углубления наших представлений об аутентичной культуре эвенов Якутии в рамках уже имеющихся глобальных знаний об Арктике. При этом нетрадиционный объект исследования, на наш взгляд, вполне репрезентативен. Это – повесть в рассказах эвена Андрея Кривошапкина, ведущего национального прозаика современности, знатока и носителя традиционных ценностей своего народа.

Повесть народного писателя Якутии А. Кривошапкина «Охотник Тормита» увидела свет в Якутском издательстве «Бичик» в 2007 году. Книга была издана в рамках проекта «Писатели земли Олонхо». Повесть написана на эвенском языке («Тормита буюсэмнэ»), но на русском языке увидела свет в переводе писателя,